
Два эпизода русско-польских книжных связей во второй половине XV в.: писарь Якуб, Василий Ермолин и Швайпольт Фиоль

DOI 10.31168/91674-483-5.24

Межславянские книжные связи преимущественно изучаются как миграция текстов между южными славянами и Русью. Между тем имеются серьезные основания говорить о таких же устойчивых связях Руси с Польшей, причем не только как воспринимавшей стороны, но и как поставившей свои различного содержания книги на территорию королевства. Давно отмечено, что польскими историками XV в. активно использовались памятники древнерусской письменности, дававшие обильный материал для создаваемых хронистами произведений¹. Имеются свидетельства интереса к русским книгам, проявлявшегося должностными лицами королевского двора, старавшимися удовлетворить собственный, не связанный с исполнением служебных обязанностей интерес.

Весьма показательным в этом отношении является эпизод личных отношений одного из видных представителей московского торгового мира с заметным польским чиновником в третьей четверти столетия. Известный московский купец второй половины XV в. Василий Дмитриевич Ермолин в своем письме секретарю литовского великого князя и польского короля Казимира IV Якову в 1460-х гг. писал: «А что ми, пане, писал на своем листу, еже ти есть тробе надобно прилог со всемы полон на весь год ви единех досках, да осмогласник по-новому, да два творца в одних досках, а к тому житья

¹ *Рогов А.И.* Основные особенности развития русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 168.

святых Христовых апостол двоюнадесять, написаны ви единых досках, ино, пане милый, того такова не издобыти купить, как ти есть излюбил держати. А купит еси много того, да не так зделано, какия тебе хочет. Много того, да все еси, пане, по опришним доскам, что обычай держит. Кто будет таково написал, ин себе то и держит, а на денги того не продаст. А коли уж пришла твоя воля по твоей к нам ласце, и тебе, пане, и нам прислать своя папер да того дела подождать. А яз многим доброписцам велю такovy книги сделать по твоему приказу с добрых списков, по твоему обычаю, как любит воля твоя»². В.Б. Перхавко заметил, что знакомство Ермолина с поляком могло состояться как в 1468 г., когда последний в составе посольства приехал в русскую столицу, так и при деловых поездках самого купца в Литву³. Стоит оговорить, что встреча посольства с Иваном III происходила в Переславле, почему пребывание Якуба и его сотоварища Ивашенца в Москве нельзя считать длительным и удобным для заведения знакомств⁴. Отсюда более верным кажется связывать возникновение товарищеских отношений Ермолина и Якуба с каким-то иным эпизодом.

Богатый купец, подрядчик осуществлявшихся в Москве строительных работ, Ермолин свои капиталы, скорее всего, мог накопить на экспортных операциях. Однако сама по себе торговая деятельность способствовала налаживанию связей в среде себе равных, таких же купцов и промысловиков, каким был сам Василий Дмитриевич. Для приятельских отношений с королевским секретарем нужны были иные причины и удобные поводы.

Необходимо учитывать, что, начиная с древнейших времен, купечество на Руси привлекалось к исполнению некоторых дипломатических функций. Отправляясь за рубеж, торговцы, преследуя собственные корыстные цели, иной раз были призваны блюсти торговые интересы великокняжеской казны или, в более позднее время, со-

² Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1986. Вып. 1. С. 197. Воспроизводим с частично измененной пунктуацией. Текст письма сохранился в рукописи митрополичьего формулярника ГИМ, Син. 562, в той ее части, которая была создана в начале XVI в. (*Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 20; *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 71; *Плигузов А.И.* Предисловие // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1986. Вып. 1. С. 33–37).

³ *Перхавко В.Б.* Зодчий и книжник Василий Ермолин. М., 1997. С. 66. Того же мнения придерживается Е.Л. Немировский (*Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания (= История славянского кирилловского книгопечатания XV — начала XVII века. Т. 1). М., 2003. С. 97).

⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 280.

провождать посольства, ведая сохранностью отсылаемых иноземным властям поминков в виде натуральных подношений, прежде всего пушниной. Сами эти подарки принимались в иностранных столицах должностными лицами казенного ведомства. В связи с этим можно допустить, что знакомство В.Д. Ермолина с королевским секретарем состоялось именно во время приезда купца ко двору Казимира IV. Один из вероятных эпизодов относится к 1449 г., когда между Василием II и Казимиром Ягеллончиком был заключен договор, но возможно относить таковое событие и к более позднему времени — 1450-м гг. или следующему десятилетию.

Фигура Василия Дмитриевича была вполне приемлема для исполнения службы московскому великому князю при дворе великого князя литовского, коим Казимир оставался и будучи польским королем. Об отце Василия Ермолина в описании посмертных чудес Сергия Радонежского говорится как о принявшем постриг «некоем от московских великих купцов», владевшем греческим и половецким языками⁵. Занятия торговлей на внешних рынках, в данном случае — явно на черноморском направлении, требовали умения общаться на чужих языках, и можно думать, что Дмитрий постарался внушить это своему сыну, который во время описываемых в рассказах о чудесах событий — периода управления Троице-Сергиевым монастырем игумена Мартемиана (1447–1455) — уже был самостоятельным хозяином, сменившим отошедшего от дел отца.

Как бы то ни было, у Василия Дмитриевича и Якуба сложились дружеские отношения, позволившие поляку обратиться с просьбой о присылке книг, набор которых попытался установить В.Б. Перхавко, посчитавший, что у Ермолина просили прислать Пролог, Октоих, Жития апостолов и творения отцов церкви⁶. Последнее исследователь усмотрел в неясном написании «да два творца». Если определение двух запрошенных книг — Пролога и Жития апостолов — не вызывает затруднений, то в отношении другой пары такой ясности нет.

Прежде всего нуждается в уточнении, что подразумевалось под осмогласником «по-новому». В XV в. на русской почве происходит преобразование Октоиха в связи с утверждением иерусалимского устава, и в последней четверти столетия окончательно формируется нотированный Октоих иерусалимской редакции⁷. Не исключено, что именно подобного рода книга имелась в виду, когда писарь Якуб

⁵ Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. С. 442, 445.

⁶ Перхавко В.Б. Зодчий и книжник Василий Ермолин. С. 65–66.

⁷ Плетнева Е.В. Певческая книга «Октоих» в древнерусской традиции (по рукописям XI–XV веков): автореф. дисс. ... канд. искусств. СПб., 2008. С. 16.

просил прислать ему из Москвы Осмогласник. Однако это не единственный возможный вариант. Во второй половине XV столетия получают распространение и иные виды Октоиха, в частности так называемый Шестоднев служебный, который также мог заинтересовать своей новизной королевского секретаря. Следовательно, необходимо учитывать и подобную возможность, допуская, что от Ермолина требовалась присылка именно такого или близкого ему Октоиха.

Вряд ли стоит в написании «да два творца», следуя В.Б. Перхавке, усматривать сочинения отцов церкви. Более верным представляется версия Е.Л. Немировского, который отметил явную ошибку переписчика, назвавшего среди необходимых Якубу книг некие «два Творца», и предположил, что на самом деле в оригинале письма речь шла о двух Триодях⁸. Трудно сказать, хотел ли Якуб получить в виде единого фолианта делившиеся каждая на два тома Постную и Цветную триоди или мечтал, чтобы ему прислали обе книги под одним переплетом.

Остается неизвестным, был ли выполнен заказ королевского секретаря⁹, но в любом случае сохранившийся фрагмент переписки Якуба с В.Д. Ермолиным отражает существование практики пересылки переписанных в Москве книг за пределы страны, включая польские земли, в первую очередь, разумеется, столичный Краков¹⁰. Одновременно обращенная к Ермолину просьба польского королевского секретаря являет собой свидетельство серьезных затруднений в получении русской богослужебной и четьей литературы даже для относительно высокопоставленных персон Польши.

Интерес к написанным кириллицей книгам в Кракове проявлял не только королевский чиновник. Именно в этом городе выходцем из германской Франконии, немцем по национальности Швайпольтом Фиолем в 1491 г. была основана первая использовавшая соответствующий шрифт типография. Несомненно, уникальность предприятия должна была сулить ему коммерческий успех. «Славянская типография в Кракове, — справедливо подчеркивает Е.Л. Немировский, — в момент ее основания была первой и единственной в мире, конкурентов она не имела. Печатание кирилловских книг у южных славян началось лишь в 1493–1494 гг. Поэтому продукция краковской

⁸ *Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 97.

⁹ А.И. Рогов видел в нем пример плодотворных связей в области книжного дела (*Рогов А.И.* Основные особенности развития русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения. С. 169).

¹⁰ Исходя из факта заказа писарем Якубом В.Д. Ермолину, А.Л. Хорошкевич считала обмен рукописными книгами в то время обычным явлением (*Паушто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 146).

типографии могла рассчитывать на сбыт на колоссальных территориях Московского государства, Великого княжества Литовского, княжеств Молдавии и Валахии, на захваченных Османской империей землях южных славян»¹¹. Тем не менее типография выпустила лишь четыре издания, после чего ее работа прекратилась. Этими изданиями явились Октоих, Часослов и Постная и Цветная триоди.

Деятельность Ш. Фиоля привлекает внимание исследователей на протяжении двух столетий, и одним из важнейших и не окончательно проясненных вопросов является происхождение использованных краковским типографом оригиналов. По этому поводу высказывались различные суждения, в первую очередь основывавшиеся на лингвистическом анализе самих изданий. Так, К.Ф. Калайдович подчеркивал, что язык Часослова и Октоиха в изданиях Фиоля «есть древнеславянский, несколько искаженный не только переписчиками, но и при самом издании», причем оригинал Часослова отразил некоторые особенности простонародного белорусского выговора¹².

П.В. Владимиров отметил наличие в издании Фиоля месяцеслова с упоминанием большого числа русских святых при умолчании о южнославянских, а в Часослове — написаний, позволяющих отнести использованный рукописный оригинал к южнорусским памятникам. Исследователь предложил два варианта решения вопроса: либо привлеченные к изданию рукописи были переписаны русскими писцами, либо типографчики и корректоры Фиоля были этническими русскими из юго-западной России¹³.

А.И. Соболевский признал справедливость суждения П.В. Владимирова о национальности наборщиков и корректоров в типографии Фиоля, но, отрицая возможность работы предприятия без получения заказа от молдавских господарей и бояр, оговорил, что «это не мешает изданиям Фиоля быть по тексту среднеболгарскими или молдавскими, и не может быть никакого сомнения в том, что в основание их легли молдавские списки»¹⁴.

¹¹ Немировский Е.Л. Возникновение славянского книгопечатания. С. 204.

¹² Калайдович К.Ф. Сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографчика. М., 1820. С. 8–9. Это сочинение занимает особое место в историографии как первый отдельно изданный русский труд по истории книгопечатания (Немировский Е.Л. Начало книгопечатания у южных славян. М., 2005. Ч. 1 (= История славянского кириллового книгопечатания XV — начала XVII века. Т. 2). С. 35).

¹³ Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888. С. 25–27.

¹⁴ Соболевский А.И. Рецензия на: Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888 // ЖМНП. 1888. № 10. С. 331–332.

Суждение А.И. Соболевского не осталось без возражений со стороны П.В. Владимиров, в пользу отстаиваемого им мнения снова сославшегося как на важнейшее обстоятельство на особенности языка фиолевских изданий¹⁵. Конечный вывод исследователя, нисколько не способствовавший уяснению действительного положения дел, гласил: «В руках русских сотрудников Феоля находились рукописи северо-восточной России, но, быть может, уже ранее перешедшие в южную Русь в конце XIV в., в начале XV века, затем рукописи южнорусские, как слова, прибавленные к Осмогласнику, и рукописи, списанные с южнославянских оригиналов русскими переписчиками»¹⁶.

С иных позиций подошел к решению вопроса о происхождении использованных Ш. Фиолем оригиналов Е.Л. Немировский. В этом случае основное внимание обращалось на особенности текстов книг, напечатанных краковским типографом. Исследователь заметил, что Фиоль выпустил в свет Октоих, содержащий полные воскресные службы всех восьми гласов, а также будничные, в которых каждому дню недели соответствует лишь один глас¹⁷. Этот вид сокращенного Октоиха, получивший наименование Шестоднев служебный и в студийской традиции входивший в состав сборников с Часословом, в XV в., с распространением иерусалимской редакции, воспроизводился как отдельная книга. Именно в отдельной рукописи писарь Якуб желал получить от В.Д. Ермолина Осмогласник, но нельзя утверждать, что им должен был оказаться именно Шестоднев служебный. В XV в. на Руси распространяется более полный содержанием Октоих-Параклит, переписывавшийся отдельно от иных текстов, который можно было рассматривать как написанный «по-новому»¹⁸.

Е.Л. Немировский полагал, что Шестоднев служебный не был известен у южных славян, почему и не мог быть заимствован от них для изданий Ш. Фиоля¹⁹. Однако специальные исследования показали, что из южнославянских земель происходит некоторое число

¹⁵ *Владимиров П.В.* Начало славянского и русского книгопечатания в XV–XVI вв. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1894. Кн. 8. С. 24–25.

¹⁶ *Владимиров П.В.* Начало славянского и русского книгопечатания в XV–XVI вв. С. 29.

¹⁷ *Немировский Е.Л.* Начало книгопечатания у южных славян. Ч. 1. С. 295.

¹⁸ *Крашенинникова О.А.* Древнерусские Октоихи XIV века и проблема типологии гимнографических рукописей // Герменевтика древнерусской литературы XI–XIV вв. М., 1992. Сб. 5. С. 303.

¹⁹ *Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 304–305.

списков Шестоднева²⁰, что лишает аргумент Е.Л. Немировского доказательной силы.

Обращая внимание на то, что, как следует из письма В.Д. Ермолина Якубу, поляк «просил прислать ему все те книги, которые впоследствии печатал Швайпольт Фиоль»²¹, Е.Л. Немировский, видимо, придерживался мнения, прямо его не выражая, о возможности использования типографом книг, полученных из Москвы королевским секретарем, о чем, кажется, свидетельствует и его замечание относительно совпадения «рисунка» филигранный на Троицком списке Ермолинской летописи и на Октоихе Фиоля 1491 г.²² Утверждать или отрицать получение Фиолем экземпляров, присланных Ермолиным Якубу, нельзя, тем более что и сам факт исполнения заказа поляка остается неустановленным.

Таким образом, проблема происхождения использованных Ш. Фиолем рукописных оригиналов остается нерешенной. Представляется, что частично ответ на занимающий нас вопрос дает рассмотрение содержания выпущенной краковской типографией в 1493 г. Постной триоди²³. Полный экземпляр этого издания был открыт в 1822 г. К.Ф. Калайдовичем в Синодальной библиотеке (РГАДА, БМСТ, № 4), свидетельством чего, в частности, является приложенная к данному экземпляру записка самого первооткрывателя²⁴.

М.А. Момина отметила появление в русской рукописной Триоди, эпизодически, начиная с конца XIV в., и особенно часто в XVI в., синаксарных чтений, в том числе синаксаря о нашествии варваров на Константинополь, помещаемого как чтение в субботу акафиста

²⁰ О.А. Крашенинникова привела данные, свидетельствующие об отсутствии южнославянских рукописей Шестоднева служебного, относящихся к периоду до начала XV в. и отражающих студийскую редакцию, тогда как на Руси они имели широкое распространение. Для XV в. исследовательница указала на существование известных ей двух рукописей Шестоднева иерусалимской редакции (*Крашенинникова О.А. Древнерусский Октоих XII–XIV вв. как памятник средневековой гимнографии: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 1997. С. 12*). Поправки см.: *Плетнева Е.В. Певческие параллели в южнославянских и древнерусских Октоихах студийской редакции // Греко-русские певческие параллели. К 100-летию афонской экспедиции С.В. Смоленского. М.; СПб., 2008. С. 87. Примеч. 1.*

²¹ *Немировский Е.Л. Возникновение славянского книгопечатания. С. 97.*

²² Там же. С. 98.

²³ О возможности датирования Триоди постной 1493 г.: *Немировский Е.Л. Возникновение славянского книгопечатания. С. 491.*

²⁴ Там же. С. 39, 415. Воспроизведение текста записки К.Ф. Калайдовича в архивском экземпляре Триоди постной см.: там же. С. 431.

Богородице²⁵. Краковское издание Триоди постной также содержит повествование об осадах варварами Царьграда в VI–VII вв., но это не краткий синаксарный рассказ, а пространная, как ее называли на Руси, «Повесть о неседальном».

В Москву сочинение, посвященное истории возникновения акафиста Богородице, попало в середине — второй половине 20-х гг. XV в. благодаря известному книжнику Ефрему, вместе с напарником Евсевием собиравшему в Константинополе и на Афоне книги для вывоза на Русь. Связанный тесными узами с Кирилло-Белозерским монастырем, Ефрем прислал в обитель специально изготовленный список Повести. Проведенные разыскания показывают, что московский список сочинения породил значительную рукописную традицию, тогда как белозерский, сохранившийся в виде присоединенной тетради к монастырской пергаменной Триоди постной (РНБ, Погод. 42), стал источником лишь для двух воспроизведений — в утраченном сборнике монаха Ефросина Белозерского и в созданном его же трудами Торжественнике (ГИМ, собр. Уварова № 894). При том что списки московской традиции разнятся друг от друга степенью точности передачи текста Повести, содержа иной раз ошибки или даже пропуски целых фрагментов, они имеют общее чтение, отличающее их от списка в Триоди Погод. 42 и, естественно, производного от него Увар. 894. В присланном Ефремом в Кириллов монастырь тексте при описании осады Константинополя персами и аварами в 626 г. сказано, что «скифьскыи каганъ абие ятятся дѣлоу, море оубо кораблеи наполни, еже от единого древа в долготу сотворени и того дѣля варварьскымъ языком моносила наричются». Во всех остальных известных нам списках Повести XV–XVI вв., кроме Увар. 894, вместо «моносила» в этом месте находится демонстрирующее непонимание переписчиком копируемого текста «мнози»²⁶.

Именно белозерские списки отражают чтение архетипа, о чем свидетельствует текст Повести в иноязычных рукописях. Произведение в XIV–XV вв. было хорошо известно болгарским и сербским книжникам, ни один из которых не допустил указанного искажения («мнози» вместо «моносила»). Примером может быть рукопись РНБ, собр. Гильфердинга, № 34 (Повесть помещается на л. 329об.–334об.), где читается: «скифинь хаганъ, абие ятятся дела, и море оубо корабми испольни от него, их же, заеже единостанно быти древоу и единови дноу, моносила варварьскымъ гласом на-

²⁵ *Момина М.А.* Постная и Цветная Триоди // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 2. С. 396.

²⁶ Подробнее о списках Повести и о личности Ефрема см.: *Кистерев С.Н.* Лабиринты Ефросина Белозерского. М.; СПб., 2012. С. 182–207, 357–362.

рицаять». Равным образом изначальное «моноксила» присутствует и в оригинальном, греческом, тексте. Следовательно, разночтение «мнози» возникло уже на русской почве. Исходя из наличия верного варианта «моноксила» в белозерских списках, появление искажения следует связывать с работой столичных книжников, а отправным пунктом распространения текста с ошибочным чтением считать Москву.

В печатном тексте краковского издания процитированное выше место выглядит следующим образом: «скитьскый каганъ абие ятса делу, море убо кораблии наплъни, еже от единого древа длъготу сътворени и того ради варваскым языком мнози наричатся». Налицо практически полное сходство с русскими рукописями, содержащими ошибочное чтение «мнози», что позволяет говорить об использовании печатниками типографии Ш. Фиоля рукописного оригинала русского происхождения, принадлежащего к числу списков московской традиции²⁷.

Теперь нельзя указать конкретного способа получения Фиолем рукописи Триоди с приложенным к ней списком Повести, и если определенные трудности с приобретением книг московского письма возникли у королевского секретаря Якуба, то не меньшими они могли быть и у типографа. Стоит лишь отметить, что все было преодолено в силу целеустремленности начинавшего печатание кириллических книг немца, в своих розысках необходимых пособий, возможно, прибегшего к помощи официальных лиц, хотя говорить о произведениях его предприятия как отражениях рукописей, запрошенных некогда Якубом у В.Д. Ермолина, достаточных оснований нет.

Таким образом, в факте воспроизведения в издании Триоди постной текста «Повести о неседальном» в ее московском обличье можно видеть эпизод русско-польских связей в сфере книжного дела, к тому же имевший далекие последствия в силу импорта продукции краковской типографии через русскую границу.

Распространение изданий Фиоля на территории Русского государства в XVI в. по владельческим и вкладным записям на самих книгах отследил Е.Л. Немировский, полагавший, что Фиоль и Турзо

²⁷ Е.Л. Немировский оговорил наличие текста «Повести о неседальном» в конце краковской Триоди постной, не сравнивая его с сохранившимися рукописными вариантами (*Немировский Е.Л. Возникновение славянского книгопечатания*. С. 439). Первоначально результаты сопоставления рукописных текстов Повести и ее печатного варианта 1493 г. представлены: *Кустерев С.Н. Триодъ постная в краковском издании Швайпольта Феоля и в рукописной традиции XV века // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января — 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. 2. С. 349–350.*

печатали свои издания «если не по прямому заказу из Москвы, то, по крайней мере, рассчитывая на Москву»²⁸. По его данным, старейшая из фиксирующих находжение на Руси изданий Фиоля запись сделана на экземпляре Часослова в 1517 г. представителем семейства Бухвостовых-Злобиных (РГАДА. БМСТ (СПК). № 819)²⁹. Правда, эта запись является первой в своеобразной семейной летописи³⁰ и, скорее всего, сделана в позднейшее время. К 1520–1525 гг. относится вклад Часослова 1491 г. в ростовский Борисоглебский монастырь от имени Григория и Алексея Федоровичей Ярцевых (ГИМ, Щап. 686)³¹. Экземпляр РГБ № 3568 на своих страницах содержит записи, однозначно свидетельствующие о пребывании книги в России во второй половине XVI в. Среди них на л. 169об. читается заметка о преставлении преподобного Саввы Сторожевского, а на л. 244 — о почитании князя Константина Муромского и его сыновей Михаила и Федора³². Канонизация Саввы Сторожевского и муромских князей стала актом деяний собора 1547 г.³³ Однако записи на книге нанесены еще позднее, поскольку только собор 1549 г. установил почитание Ефрема Перекомского³⁴, чья память отмечена на том же л. 244³⁵. К.Ф. Калайдович указал на наличие в собрании книг Ф.А. Толстого экземпляра Часослова с надписью, зафиксировавшей вклад патриарха Никона в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь 27 мая 1658 г.³⁶

²⁸ *Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 264.

²⁹ *Немировский Е.Л.* Распространение краковских изданий Швайпольта Фиоля в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 189–190. Название книги не указано.

³⁰ *Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 387.

³¹ *Немировский Е.Л.* Распространение краковских изданий Швайпольта Фиоля в Русском государстве... С. 190.

³² *Немировский Е.Л.* Книги кирилловской печати. 1491–1550. Каталог. М., 2009. С. 75.

³³ *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 100–101.

³⁴ Там же. С. 104.

³⁵ *Немировский Е.Л.* Книги кирилловской печати. 1491–1550. Каталог. С. 75.

³⁶ *Калайдович К.Ф.* Сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографщика. С. 5–6. Об экземпляре Ф.А. Толстого см.: *Строев П.* обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке ... графа Ф.А. Толстого. М., 1829. С. 2. В составленном С.К. Севастьяновой перечне книжных дарений патриарха Никона за 1658 г. вклад

В 1536 г. Постная триодь была дана в Никольский на Осовце монастырь людьми князя Д.Ф. Бельского (ГИМ, Меньш. 578)³⁷. В 1592 г. экземпляры этого же издания Фиоля находились в селе Одинцове, а в 1598 г. — в Устюжне Железопольской³⁸.

Не позднее весны 1600 г. в России оказался экземпляр Цветной триоди издания 1493 г. — РГБ № 1212, — данный вкладом в некую церковь Рождества Богородицы Иваном Андреевичем Ромейковым³⁹.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что книги, произведенные типографией Фиоля, привозились в Россию и использовались по прямому назначению. Ссылаясь на работы Е.Л. Немировского, А.Л. Хорошкевич утверждала, что «выходцам из Великого княжества Литовского, находившимся на севере страны вплоть до 1509 г. в качестве пленных или перешедшим на службу великому князю Ивану III, Русь обязана знакомством с изданиями 1490–1491 гг. краковской типографии Швайпольта Фиоля. Особенности проникновения книг этой типографии на Русь и объясняется тот факт, что большинство сохранившихся книг в XVI в. бытовало на севере»⁴⁰. Однако это суждение не находит необходимого подтверждения, поскольку нет никаких свидетельств о причастности неких литовских пленников к ввозу изданий Фиоля в Московскую Русь, о расселении таких полоняников на северных территориях и происхождении сохранившихся экземпляров именно из этих отдаленных от центра страны районов. Книги краковской типографии, видимо, распространялись на просторах государства Василия III в виде импортируемого товара и усваивались местным населением, конечно, в первую очередь его высшим социальным слоем.

Немец по происхождению, Ш. Фиоль печатал книги за пределами восточнославянского мира, но делал это не просто используя кириллический шрифт для воспроизведения русского наречия, но с русских оригиналов, предполагая распространение своей продукции на русских же территориях, включая и Московскую Русь. Все

Часовника не отмечен, хотя известно о пребывании Никона в Новоиерусалимском монастыре с 25 мая (*Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 174, 182).

³⁷ *Немировский Е.Л.* Распространение краковских изданий Швайпольта Фиоля в Русском государстве... С. 190.

³⁸ Там же. С. 190; *Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 426.

³⁹ *Немировский Е.Л.* Книги кирилловской печати. 1491–1550. Каталог. С. 89.

⁴⁰ *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 249.

это заставляет видеть в его деятельности не только начало книгопечатания на славянском языке с применением кириллицы, но и, более узко, первый эпизод применения новой технологии в истории восточнославянского вообще и русского в частности воспроизводства книжных текстов⁴¹. Потребуется еще десятилетия для того, чтобы этими новшествами овладели собственно этнические восточные славяне, но с самой возможностью альтернативы труду «доброписцев» к востоку от Немана познакомились впервые благодаря распространению продукции типографии Фиоля. Трудно судить, насколько это на первых порах затронуло земли, подвластные Ивану III и его преемнику, но и категорически отрицать проникновение на Русь Фиолевых изданий уже на рубеже XV–XVI вв. или в первой четверти XVI столетия оснований нет.

Характеризуя деятельность первого типографа, применявшего кириллицу, и его компаньона, Е.Л. Немировский заметил: «Вульгарное, но оправданное стремление к обогащению, конечно, не было чуждо ни Яну Турзо, ни Швайпольту Фиолю. И все же было бы неправильно делать акцент только на этом. Гуманистические связи Яна Турзо и его сыновей, близость людей, стоявших у истоков типографии, к “Содружеству на берегах Вислы”, знакомство Конрада Цельтиса со Швайпольтом Фиолем и интерес прославленного гуманиста к продукции первой кирилловской типографии — все это заставляет нас говорить о своеобразной просветительской миссии предприятия. Именно эта сторона дела привлекла к нему симпатии таких людей, как Юрий из Дрогобыча или Павел из Кросно»⁴². Трудно сказать, насколько личные связи Фиоля и его товарища с европейскими гуманистическими кругами могут характеризовать деятельность типографа как просветительство. Вряд ли стоит усматривать в краковском предприятии некие «высокие» цели в противо-

⁴¹ Из этого еще не следует, что начало печатания *русских* книг можно расценивать как начало *русского* книгопечатания, о чем в свое время писал П.В. Владимиров: «...Если принять во внимание, что некоторые славяне печатали свои книги в иноземных городах (например, сербы и чехи в Венеции, поляки в Германии и во Франции) и что книги назначались по преимуществу для известной народности, то придется начало русского книгопечатания перенести не только на виленские и пражские издания Скорины 1517–1525 гг., но и на краковские издания Феоля 1491 г.» (*Владимиров П.В.* Начало славянского и русского книгопечатания в XV–XVI вв. С. 12–13). При этом следует учитывать замечание Е.Л. Немировского, что П.В. Владимиров в своих заключениях «трактовал слово “русский” расширительно, как было принято в ту пору. Наряду с великорусской — московской и псковско-новгородской — традицией он неизбежно учитывал белорусскую и украинскую» (*Немировский Е.Л.* Возникновение славянского книгопечатания. С. 262).

⁴² Там же. С. 265.

вес «приземленному» желанию упрочить собственное благополучие, поскольку об истинных помыслах Фиоля можно только догадываться, а степень их соответствия полученному итогу остается неясной. Равным образом затруднительно в издании исключительно богослужебной литературы видеть проявление стремления к просвещению целых народов. Однако поскольку результатом всякой человеческой деятельности является объективная реальность, не вполне отвечающая замыслам или вовсе отличающаяся от запланированного и желаемого, то и усилия Фиоля, пусть направленные в первую очередь на личное обогащение или хотя бы на достижение относительного материального достатка, привели к тому, о чем заранее краковские предприниматели и не помышляли. Подлинное историческое значение трудов Фиоля видится в самом продвижении новых технологий в сферу производства славянской кириллической книги вне зависимости от преследовавшихся типографом субъективных целей.

Говоря о распространении изданий Ш. Фиоля на территориях Литовской или Московской Руси, следует учитывать, что ни сам типограф, ни его компаньон не занимались организацией транспортировки своей продукции. Это было уделом купечества, реализовывавшего произведенные тиражи в среде, проявлявшей интерес к отпечатанным кириллицей книгам. Разумеется, прежде всех произведения предприятия Фиоля становились доступны именно польским торговцам, получавшим их непосредственно из типографии. В дальнейшем же распространение неизбежно переходило к их коллегам на белорусских и великорусских землях, и именно эти деятели рынка становились первыми, кто имел возможность подержать в руках экземпляры изданий и, возможно, оценить достоинства печатной книги.

Подводя итоги, можно заметить, что в двух рассмотренных эпизодах русско-польских культурных связей наблюдается существенное отличие. Если стремление королевского секретаря Якуба получить из Москвы несколько рукописных книг отражало его личный или, не исключено, служебный интерес и, судя по всему, не имело существенных последствий, если не принимать за таковое ознакомление придворных польского короля с продукцией московских книгописцев, то доставка из русской столицы рукописей, послуживших основой для подготовки в Кракове изданий с использованием кириллического шрифта, имела продолжение в обратном движении уже печатных книг на русские земли вплоть до Москвы и подвластных ей территорий к востоку и северу. В более отдаленной перспективе издания Фиоля, наряду с прочими инкунабулами, стали образцами для собственно восточнославянских типографов, усвоивших необходимые технические приемы и оценивших преимущества печатного станка.